

— Вы знаете этих людей? Вернее, вы *знали* этих людей? Этого мужчину, женщину?.. Не молчите, отвечайте... Дайте ей воды, она сейчас упадет.

Женщина в черной юбке и сером свитере стояла посреди большой разгромленной квартиры и смотрела себе под ноги, где на светлом паркете расплылись две большие лужи крови. На полу лежали мужчина и женщина. Оба мертвы. Оба с простреленными головами. Головы соприкасались друг с другом. Помада на губах мертвой женщины нетронутая, свежая, красная, как и кровь на полу, которая вытекла из ее головы, блестит в свете лампы. *Наверное, у нее все внутри красное. Вся ее изнанка.* У мужчины тщательно выбритые щеки, побледневшие губы. Еще совсем недавно они оба были живы. Говорили о чем-то. Но так и не договорились. В комнате пахнет порошком. И табаком. Это накурили те, кто пришел после звонка соседей, услышавших выстрелы.

«Вы не могли ее не знать... Не могли...» — стучало в голове и не давало сосредоточиться на самом факте смерти.

«Да, я знала ее... Знала, чувствовала, она всегда была рядом, как тень, и, где бы мы ни находились, мы везде ощущали ее запах, запах свежееотпечатанной банкноты... Она была его второй жизнью, и она же погубила его... И еще много сотен... Имя ей — Стерва, профессия — Сволочь...»

Глава 1

АННА-УСПЕНКА

Шел мокрый снег. Ветер пробирал до костей. Анна Винклер вот уже несколько минут смотрела из окна своего «Фольксвагена» на перевернутую вверх черным брюхом большую легковую машину (*кажется, «БМВ»*), упавшую на дно оврага. Не было дыма, не было огня. Только шел снег, завывал ветер, который словно проникал в самое сердце и выстуживал последнюю надежду добраться до ближайшего населенного пункта живой. Мороз в апреле. Какая дикость. Редкие машины проползали мимо (Анна усмехнулась про себя: *не оглядывайся*). Их, таких тяжелых, сдувало с заледневшей трассы, как если бы они ничего не весили. Это была дорога М-6, соединявшая столицу с волжскими городами, с Ростовом.

Анна вышла из «Фольксвагена» и, глядя на уже успевшую побелеть на глазах пере-

вернутую машину, покачала головой. Трагедия, разыгравшаяся здесь, на этой опустевшей трассе, была настоящей бедой, настоящим горем по сравнению с тем, что она успела себе выдумать, пока мчалась сюда, спасаясь от своей печали. Подумаешь, ее бросили. Мужчины часто бросают женщин. Сегодня ее очередь. И чего она добилась бы своей смертью?

Ей было стыдно признаться даже себе, что она остановила «Фольксваген» вовсе не из-за того, что увидела разбитую машину, просто ей показалось, что ее душевные силы на исходе. Это был своего рода прозрачный (если не считать плотной пелены снега) тупик, в который она уткнулась, словно в плечо друга. Но это был всего лишь мираж. Никаких друзей на трассе быть не могло. Как не было их и в Москве, где она жила, любила и где сегодня ее смертельно ранили, обидели, променяв на другую женщину.

Анна, обжигая руки о снег и цепляясь за острые, выступающие из-под снега ветки кустов, спустилась вниз и заглянула внутрь машины. Вот то, что она и боялась увидеть: залитое кровью лицо, открытый потускневший глаз... Мужчина был мертв. И тут ей показалось, что она слышит стон.

— Эй, есть кто живой?

И снова стон. Открыть дверь было невозможно. Анна вернулась наверх, достала

из багажника оставшуюся еще с зимы саперную лопатку и принялась колотить ею по твердому стеклу перевернутой машины. Послышался хруст, и стекло рассыпалось. Куски стекла были похожи на льдинки. И тогда она увидела женщину. Рыжие волосы, синеватые губы и белый, словно присыпанный пудрой, маленький аккуратный нос.

Анна просунула руку внутрь салона и коснулась руки женщины. Она застонала.

— Господи, да ты живая... Ну-ка, приходи в себя... Твой дружок умер, но ты-то должна жить. Меня бог к тебе послал. Ну же, приходи в себя. Ты будешь жить, слышишь? Меня зовут Анна. Очнись...

Она понимала, что ее никто не слышит, но продолжала разговаривать с женщиной, рука которой показалась ей теплой на ощупь. Уцепившись за обе ее руки, Анна попыталась хотя бы немного придвинуть тело женщины ближе к окну, чтобы потом, постепенно, сантиметр за сантиметром, вытащить ее из машины. На это ушло почти полчаса. Стыд жаркой волной погнал кровь по жилам: *кого я спасаю, ее или себя?*

Когда наконец эта маленькая хрупкая женщина была вызволена из своего металлического гроба, Анна, обнаружив в себе неожиданный прилив сил, взвалила ношу на себя и потащила наверх, к своей машине. Ей не верилось, что она оказалась спо-

собной на такой поступок и что нашла в себе силы вообще выйти из машины.

Женщина была жива. Она дышала, но тело ее было совсем холодным. И понадобилось бы очень много горячей воды и водки, чтобы согреть ее.

Анна усадила ее на заднее сиденье и укрыла пледом. Желтый плед, который был предназначен совсем для другого, теперь оказался очень кстати. Желтый плед — это их любовное ложе, бывшее ложе... Пусть теперь он послужит более благородным целям. И тут Анна заметила на правой руке женщины веревку. Серую, измочаленную веревку с клочком оранжевой клеенки на ней. Фиолетовыми чернилами (буквы слегка расплылись) она прочла: «*Имя — Сте-рва*». И на другой руке — точно такая же бирка, но уже с другой надписью: «*Профес-сия — Сволочь*».

Анна не верила своим глазам. Перед ней лежало бесчувственное хрупкое нежное тело с тонким ангельским личиком. Душа этой несчастной металась сейчас между жизнью и смертью. Кому же она причинила столько боли, что ее так пометили? Мужчина? Женщина? Кто нацарапал бесстыжей рукой на оранжевых клеенчатых клочках эти омерзительные определения? Бирки она отвязала и спрятала в карман. Затем достала блокнот, ручку и, вернувшись вниз, в овраг, счистила снег с метал-

лической панели, где были выбиты номера машины. Московские номера. Можно было, конечно, покопаться в вещах погибшего мужчины, чтобы выяснить хотя бы его имя, но она испугалась, что ее могут застать за этим неприглядным занятием, смахивающим со стороны на мародерство, вездесущие работники автоинспекции. Это сейчас их нет. А вот стоит ей пролезть в машину за документами или прикоснуться к труп, чтобы пошарить в его карманах, они тут как тут. Она не верила в счастливый случай. А потому, вернувшись в машину, достала карту, чтобы определить, в какой точке М-6 она находится и далеко ли до ближайшей больницы. Она была в пути уже почти десять часов. Получалось, что позади нее крупный населенный пункт — город Балашов, а впереди — часа через два или, если двигаться со скоростью сорок-пятьдесят километров, то и все четыре — Саратов. Но у нее никого не было в этом незнакомом ей городе. Ее конечной целью было забвение. Она гнала машину на огромной скорости, предаваясь шальному движению, переживая острейшие ощущения и играя со смертью. И вдруг теперь эта остановка. Этот тупик. Эта женщина с рыжими волосами. Вернее, девушка. Совсем молодая. Это ли не знак, что ей суждено так же, как и этой несчастной, остаться в живых?!

А. Данилова

■ Анна завела машину и тронулась с мес-

та. Покатила. Медленно, то и дело соскальзывая с трассы на обочину. Гололед. Это не цунами, не тайфун, не шторм, не ураган. Это молчаливая мерцающая гладь, смертельная гладь.

Проехав несколько километров, Анна увидела указатель, при виде которого у нее сжалось сердце. Она не поверила своим глазам. Все, что она теперь видела или слышала, казалось ей какими-то неотвратимыми знаками, от которых никуда не скроешься. Нужно только слепо следовать этим указателям и ждать, чем же все это закончится. Синяя, окаймленная белым, стрелка: «Анна-Успенка». Вот это название! И «Анна» — тезка. И «Успенка» — это уж слишком... Вроде там, в этой Анне-Успенке, она, Анна Винклер, и найдет свою смерть. Уснет. Усопнет. И подтвердит таким образом название деревни. И все же она резко затормозила перед тем, как свернуть. Напрасно. Машину занесло прямо в сугроб. *Сугроб — это еще не гроб. Игра слов.*

Затем дала назад, с трудом вырулила на дорогу и поехала в сторону деревни. Снег продолжал идти, залепляя окна. С ним уже с трудом справлялись «дворники». *Господи, подскажи мне, что делать с этой женщиной? Куда же я ее везу? Это же крохотная деревня, где, вполне вероятно, нет даже врача.*

Проехав мимо нескольких домиков, за-

несенных снегом, Анна остановила машину, вышла из нее и с трудом добралась, шагая по пояс в снегу, до калитки одного из подслеповатых строений. Принялась колотить тяжелым, висевшим прямо над металлической скобой крюком, стараясь привлечь к себе внимание хозяев. Она не знала, сколько колотила. Но очнулась, когда увидела прямо перед собой сердитое розовое лицо женщины. В красной косынке, изпод которой выбивались темные волосы.

— Извините, что я так громко стучу. Но мне требуется помощь. В машине находится женщина. Она ранена. Там, — Анна махнула рукой в сторону оставшейся позади трассы, — случилась авария. Мужчина погиб, а вот женщина жива. Можно к вам?

— Можно, — вдруг неожиданно спокойной ответила женщина. — Я вам помогу. Вот только надо бы откопать калитку.

Она довольно скоро выбралась из-за калитки и, наступая в глубокие следы, оставшиеся от Анны, последовала за ней к машине. Вместе они вынесли раненую и внесли ее, не без труда, в дом. Уложили на кровать в маленькой комнате с единственным оконцем.

— Ее как будто били, — произнесла женщина в красной косынке, хозяйка дома. — Видите, какие синяки?

— Так ведь авария же...

— Нет, милая, ее *до аварии били*. Уж поверь мне... Тебя как звать-то?

— Анной.

— А меня — Еленой. Надо бы доктора вызвать. Он через дом от нас. Сергеем Владимировичем зовут. Он придет, не откажет. А я тут согрею ее. Грелками обложу. У меня их аж три. Одна, правда, худая.

— Хорошо, я схожу.

И Анна пошла за доктором. Уже в снях она почувствовала, что замерзла. Сильно. В машине было тепло, даже жарко, и ей было хорошо в тонком свитере. А здесь, на морозе, в холодных снях ее забила дрожь. *Как бы не схватить воспаление легких*. И тут же себя обругала, посмеялась над собой: *недавно еще хотела расстаться с жизнью, а теперь испугалась воспаления легких*.

Деревенский доктор оказался обыкновенным пенсионером. Стариком. В теплом вязаном жилете. От него, от доктора, пахло почему-то керосином. Услышав, о чем идет речь, Сергей Владимирович с готовностью накинул на себя тулуп и вышел вслед за Анной.

— Ну и погодка. Немудрено, что авария случилась. И как же это вы ее увидели? Остановились на трассе почему? Услышали что? Увидели? — завалил он ее вопросами.

— Нет. Случайно, — уклонилась от ответа Анна.

— Нет, — Сергей Владимирович вдруг

поднял указательный палец и сощурил свои по-стариковски слезящиеся голубые, словно выцветшие, глаза, — это не случайно. Это — судьба. Уж поверьте мне, старику.

Он бодрым шагом направился к своей калитке. Анна едва поспевала за ним.

— Деревенский доктор, он, знаете ли, должен быть готов ко всему. Вот в моем саквояже, к примеру, имеются даже инструменты для удаления зубов, представляете?!

Она только что заметила в его руках старый рыжий и сильно потертый саквояж с тускло поблескивающим замком под ручкой. Оказывается, он на самом деле был всегда готов к вызову и прихватил, незаметно для нее, саквояж чуть ли не в сенях.

Девушка еще не пришла в себя. Вот теперь, когда ее лицо было подставлено прямому свету, буднично и как-то голубовато льющемуся из окна в маленькой комнате, Анна тоже разглядела синевато-желтый полукруг под левым глазом, ссадину возле уха, а чуть пониже шеи еще один синяк, большой, фиолетовый.

— Так... Снимите с нее верх, —скомандовал доктор, издали разглядывая пациентку.

Анна сняла с девушки черный свитер, огромный, явно не по размеру, серый, с красно-белыми оленями толстый джемпер и белую, с рисунком, трикотажную майку с короткими рукавами. Тоже большую, размера на три-четыре больше. На майке в

двух местах на уровне сосков подсохли странные желтоватые пятна.

Сергей Владимирович подошел к кровати и присел на предложенный ему стул. Внимательно, не прикасаясь к девушке, осмотрел ее. Причмокнул губами.

— А теперь снимите нижний этаж.

Под «нижним этажом» подразумевались синие джинсы. В них могло бы при желании поместиться три такие девушки.

— Это не ее одежда, — невольно вырвалось у Анны, и она, словно испугавшись чего-то, прикрыла рот рукой.

— Тсс... — прошептал доктор. — Я и сам вижу. Ведь на ней, на голубушке, нет даже белья. Никакого, видите?

Он провел рукой по бледному животу девушки, по гладко выбритому лобку.

— Выйдите, — вдруг решительно командовал он и почти вскочил со своего места. И, не обращая внимания уже ни на кого, поднял с пола саквояж, открыл его и достал оттуда хрустящий пакет с новыми резиновыми перчатками. Надел их. Женщины стояли, не шелохнувшись.

— Снасильничали? — ахнула, очнувшись первая, Елена.

— Не знаю. Говорю же, выйдите.

— Никуда мы не выйдем. Мы что, баб, что ли, не видали? — вдруг возмутилась Елена, нахмутив брови.

Анна стояла молча. Она не собиралась выходить из комнаты. Лежащая перед ней

девушка неожиданно стала для нее близким и родным человеком. И она не желала оставлять ее даже наедине с доктором.

И тогда Сергей Владимирович начал осматривать женщину. Встав чуть ли не на колени, он раздвинул ей ноги и осторожно принялся вводить пальцы левой руки во влагалище. Правая же мягко надавливала на низ живота.

Когда он извлек руку из женщины, перчатки были розовые от крови.

— Это — роженица, — сказал он с какой-то грустью в голосе. — Посмотрите на ее груди, они же полны молока. Она родила совсем недавно. — Он повернулся к Анне: — В машине не было ребенка?

— Да вы что... Конечно, нет! Я же говорю, там был только труп мужчины. Я бы увидела ребенка. Нет, не было.

— Значит, украли, — пожал плечами доктор. — Или убили.

— Старый дурак, что ты такое несешь? — возмутилась снова Елена, которой не понравилось, что он, по ее мнению, беспричинно обвинил и без того несчастную девушку в убийстве новорожденного.

— Я только предположил, не кипятись, Елена. Еще могу сказать, что ее били. Но до аварии. Уж не знаю, какая там вообще была авария, — произнес он с недоверием в голосе, продолжая смотреть на Анну, — но эта молодая женщина пострадала *до аварии*, понимаете?

— Ну! Вот и я говорю, что ее били. Может, муж...

— Елена, если тебя твой муж бил, это еще не значит, что и ее тоже избил муж. Мы о ней вообще ничего не знаем.

— Но почему она без сознания? — спросила Анна.

— На этот вопрос я ответить затрудняюсь. Может, она потеряла сознание от кровопотери. Ведь кровь продолжает идти. Кроме того, у нее сейчас начнется жар. Я чувствую. Она перенесла шок, ее били, а потом еще и авария... К тому же она замерзла...

Доктор. Анна усмехнулась про себя. Она не знала, что делать. Надо было срочно возвращаться в Москву. Там у нее полно знакомых врачей, настоящих профессионалов, которые помогут этой несчастной. Но здесь, в этой тихой деревушке, она погибнет. Уснет. И тогда деревню можно будет переименовать Машей-Успенкой или Катей-Успенкой. В зависимости от того, как на самом деле зовут девушку.

— Я даже не знаю ее имени... что делать?

— Ждать, пока она не очнется. А пока укройте ее, обложите, правильно, грелками...

Но Елена, не дожидаясь его дальнейших распоряжений, уже сбегала на кухню и вернулась оттуда с грелкой, в которую налила кипятку. Положила девушке в ноги.

— От грелок кровотечение усилится, но

если без грелок, то она замерзнет. Не знаю, что и делать.

— Я знаю, — сказала твердым тоном Анна. — Помогите мне отнести ее в машину. Я повезу ее в Москву. Какая разница, где она будет согреваться, здесь у вас или в машине. У меня там тоже тепло. Через сто километров начнется чистая и сухая трасса. Это тут у вас снег, а там — нормально... Я быстро доеду. Через несколько часов. У вас есть термос?

— Нет... — растерянно пробормотала Елена. — Никогда никаких термосов сроду не было.

— Жалко. Тогда просто приготовьте чаю. Сладкого, крепкого, налейте в бутылку и оберните в несколько слоев газеты. Еще дайте чистую простынку, а одну порвите на бинты. Раз я ее нашла, то буду до конца нести за нее ответственность. В Москве ее спасут, а здесь она погибнет. Вы не обижайтесь. Но я говорю правду. Мне бы еще и одеяла...

Анна достала из кармана брюк мятую столларовую купюру и протянула Елене.

— Дайте мне одеяла, подушку, еще простыней... на эти деньги вы купите все новое, тут хватит...

Но Елена смотрела на деньги ошалелым взглядом. Она, наверно, никогда в жизни не видела таких денег.

— Лена, это доллары. Здесь сто долларов. Больше трех тысяч рублей. Я спешу...
■ Делайте, что я вам говорю, иначе мы с ва-

ми будем виноваты в ее смерти. Надо действовать!

И Елена, осторожно взяв непонятную бумажку, тут же спрятала ее на груди и бросилась на кухню.

— Я всего лишь врач, сельский врач, — бубнил себе под нос Сергей Владимирович, заботливо подворачивая одеяло. — Роды принять могу, зуб вырвать могу, нарыв вскрыть, даже гланды вырвать... Но она кончится скоро, я бы все равно ей ничем не помог. У меня ни капельницы, ни оборудования...

Вдруг он замолчал. Девушка застонала и открыла глаза. Анна бросилась к ней.

— Имя... Как тебя зовут? Ты кто? Ну же?

Девушка разлепила губы и поморщилась, видимо от боли.

— Где я? — спросила она, глядя куда-то в пространство.

— Как тебя зовут?

— Мне холодно, мне очень холодно...

Глава 2

АННА

Всю дорогу до Москвы девушка спала под одеялами на заднем сиденье. Имени своего она так и не сказала, а только твердила, что ей очень холодно. Анна, смертельно уставшая и чувствующая себя немногим лучше, чем ее подопечная, воспри-

нимала трассу уже как нечто нескончаемое, серое и холодное, напоминающее плоскую лоснящуюся змею. А встречные машины вызывали все нарастающее раздражение. Они так и норовили вцепиться своими глазастыми и нахальными мордами в бампер ее машины. Когда же наконец машина почувствовала под собой гладкую и ровную поверхность подмосковной дороги, Анна не выдержала, остановила машину возле придорожного кафе и купила бутылку армянского коньяку. Отвинтив крышку, она, уже в машине, отхлебнула один большой глоток, после чего спрятала бутылку, зажевала мятной конфетой и помчалась навстречу Москве. По дороге, как только это стало возможным, она принялась обзванивать с помощью мобильного телефона всех своих знакомых, которые могли бы прямо сейчас бросить все свои дела и приехать к ней домой. Она и мысли не допускала, чтобы везти девушку в больницу. Вероятно, она преступница или что-нибудь в этом роде. Но она все равно должна ее спасти. И не только от смерти, но и от возможных преследователей. Ведь, окажись она сейчас в больнице, неизвестно, чем это все закончится. Если она роженица, то наверняка ей придется держать ответ, куда она дела ребенка. Кроме того, ей надо будет объяснить, с кем и куда она мчалась по заледеневшей трассе. Друг или враг был за рулем? Кто ей дал мужскую одежду и где она оставила свою? То, что она выживет, Анна не

сомневалась. Девушка уже ровно дышала. Крепко спала.

Врачи. Она знала многих врачей. У нее были врачи-друзья, и она всегда могла рассчитывать на их помощь. Но ненавидела участковых врачей-вымогателей, предлагающих своим пациентам продукцию сомнительных иностранных лекарственных фирм. Как правило, такие врачи являлись дистрибьюторами этих самых фирм и были заинтересованными лицами в этом бизнесе. Этим же бизнесом занимались и ее друзья, но вот к ним отношение почему-то из-за этого не менялось в худшую сторону. *Вот она, предвзятость...*

Ее долгие разговоры по телефону закончились более или менее благополучно: ей удалось связаться с Андреем, практикующим терапевтом одной из крупных клиник Москвы. Профессионал с авантюрной жилкой, он любил повторять, что работа врача во все времена хорошо оплачивалась и что лечение больного находится в прямой зависимости от величины его кошелька. Поэтому даже друзья оплачивали его консультации, не говоря уже о диагностике.

Вкратце Анна объяснила ему, что с ней произошло в дороге, и приблизительно описала состояние больной, которой срочно требуется врачебная помощь. Услышав, что она везет роженицу, Андрей сказал, что постарается как следует подготовиться. Он даже прихватит с собой хирургические ин-

струменты. Затем спросил, не будет ли она возражать, если в случае необходимости он привлечет к работе своих коллег. Анна не возражала, понимая, что Андрей никогда не позволит себе пригласить к ней в дом непроверенных людей. Вот теперь ей и дышать стало легче.

Ворвавшись в Москву, она и вовсе повеселела. И лишь когда машина остановилась возле ее дома и она увидела привычный и родной пейзаж (с которым утром уже успела мысленно проститься) — песочница, деревья в почках, свежевскопанная клумба, — вот тогда только она поняла, как устала. Почти двенадцать часов за рулем. Без еды. Только минеральная вода да глоток коньяку. Что это? Где она черпала силы?

Однако ей предстояло еще поднять к себе наверх крепко спящую девушку. Она подогнала машину прямо к крыльцу и, выбрав удачный момент, чтобы ее никто не видел, открыла дверцы, подхватила под мышки спящую, затем взвалила на плечо и, покачиваясь, вошла в подъезд. Несколько ступенек, лифт, и вот она уже у двери.

— Аня, я здесь...

Она вздрогнула. Это был Андрей. Он ждал ее на лестничной площадке.

— Как хорошо... Как вовремя. Подержи ее, мне надо открыть двери.

В квартире было тепло. Девушку отнесли и уложили в спальне.

— Назову ее Машей, чтобы удобно было общаться, — сказала она Андрею, вспоминая, с какой осторожностью осматривал девушку деревенский доктор. — Там, в деревне, врач утверждал, что она родила недавно.

Андрей, холеный, с чисто промытыми и приятно пахнущими волосами, молодой мужчина в твидовом пиджаке и новых темно-синих джинсах, присвистнул, как если бы он услышал это впервые. А ведь она говорила об этом ему, находясь еще в машине, на трассе.

— Мне выйти? — Она предложила это сама, первая, чтобы в случае, если это потребуется, инициатива шла от нее. Все-таки менее унижительно. И еще она подумала о том, что когда в подобных случаях врач просит оставить его одного, то еще неизвестно, зачем ему это надо. Вероятно, ему хочется в этот ответственный момент побыть одному, чтобы сосредоточиться на исследуемом больном. Но ведь случается и такое, что ему доставляет удовольствие осматривать доставшуюся ему по случаю женщину: раздетую, беззащитную и в данный момент принадлежащую только ему. Наверняка ему не хочется, чтобы кто-то посторонний увидел в это время выражение его лица, заметил какую-нибудь особен-

ность во взгляде. Ведь деревенский эскулап испытывал явно что-то вроде замешательства, когда осматривал женщину. Почему? Ему, старику, явно скучавшему в своей глухой Анне-Успенке, не так часто выпадает подобная возможность. Скорее всего в эту деревню раз в неделю приезжает настоящий доктор, не пенсионер, и это только в исключительных и очень редких случаях жители обращаются к Сергею Владимировичу за помощью. *Но, может, я и ошибаюсь.*

— Нет, оставайся, — прервал ее размышления по поводу мужского начала у всех врачей-мужчин Андрей, отвечая на вопрос и ловкими движениями открывая свой довольно-таки объемистый чемоданчик. — Только руки вымою.

Анна проводила его до двери ванной комнаты, показала, каким полотенцем пользоваться, а сама вернулась в спальню. Нет, конечно, она никому не расскажет о тех оранжевых бирках, которые были привязаны к запястьям Маши. Тем более мужчине. Ему ни к чему знать об этом. Его должно интересовать исключительно ее здоровье.

Позже она наблюдала, как Андрей брал кровь на анализ: и из пальца, и из вены. Осмотр Маши занял довольно много времени. Андрей подтвердил, что роды произошли пару дней тому назад и что грелками она только усилила кровотечение. Затем высказал предположение, что Маша крепко спит, потому что давление у нее нор-

мальное, дыхание ровное и жара, как это ни странно, уже нет. Вероятно, она пережила кризис раньше.

— Ты записала номер машины?

— Да, — коротко ответила Анна, не желая распространяться на эту тему. — Ты сейчас отвезешь кровь на анализ?

— Да, обязательно. Я осмотрел ее, но следов уколов, скажем, наркотиков, не нашел. Только старые проколы, свидетельствующие о том, что ее роды были стимулированы специальными препаратами. Но это внутримышечные инъекции. А небольшая гематома на левой руке в области локтевого сгиба говорит лишь о том, что два дня назад, во время родов или до родов, у нее брали кровь. Возможно, тоже на анализ.

— Ты хочешь сказать, что она рожала в больнице?

— Скорее всего да. Она выбрита, на коже до сих пор сохранились следы от йода. Кроме того, я нашел два небольших внутренних шва. Таким образом зашивают разрывы...

— Может, ребенок умер? — вырвалось у Анны, и она горько пожалела о сказанном.

— Не знаю. Может, потом она тебе сама все расскажет. А сейчас не отходи от нее ни на минуту. Я скоро вернусь. Возможно, не один. Мне понадобится аппаратура для диагностики, капельницы и многое другое.

— А синяки... ссадины?

— Ее не могли бить в роддоме, согласись. Это исключено. Стало быть, ее кто-то жестоко избил сразу после родов. Если бы я был мужем этой женщины, я бы превратил этого подонка в фарш, уж поверь мне. Но я всего лишь доктор, которого пригласили для оказания помощи. И это не мое дело, ведь так? — Он проговорил это бесстрастным голосом, и Анна вдруг поняла, что совершенно не знает этого человека. Ее познакомили с ним не так давно и представили как талантливого многообещающего терапевта. И это все. А он, оказывается, тоже человек, со своими эмоциями и представлениями о добре и зле. И, судя по тону, которым все это было сказано, Маша понравилась ему. Очень. Но она и не могла не понравиться. Даже безмолвная, даже неподвижная и находящаяся сейчас где-то очень далеко...

«Если бы я был мужем этой женщины, я бы превратил этого подонка в фарш, уж поверь мне». Как будто ее не мог избить собственный муж. Сколько таких случаев. А вдруг она родила ребенка от другого мужчины? От негра, например? Муж увидел, озверел, набросился на жену и избил ее...

Андрей уехал, Анна закрыла за ним двери и вернулась к Маше. Ей стало намного легче, когда ее подопечную осмотрел врач. Настоящий врач. Но ведь, кроме медицинской помощи, ей теперь требовалась и дру-

гая помощь. Милиция? Нет, только не милиция. Частный детектив? Но где взять хорошего детектива, которому можно было бы довериться?

Глядя на слегка порозовевшее лицо Маши, Анна поймала себя на том, что ее мысли о безопасности девушки преждевременны. Какой частный детектив? Самое главное сейчас — это поднять ее на ноги.

И тут взгляд Анны упал на букет увядших роз — символ увядших чувств к ней, к Анне, и она вновь испытала боль. Как утром, сегодняшним утром, когда поняла, что осталась совсем одна. Ведь именно эта боль и понесла ее куда глаза глядят...

Ее любовника звали Михаилом. Ему было сорок шесть лет, он был на пять лет старше Анны. Несмотря на то что он был холост, Михаил никогда не приглашал Анну к себе домой. Они встречались здесь, у нее в квартире, Михаил обычно оставался на ночь, а утром ехал к себе в офис; он работал юристом в конторе, занимавшейся установкой телефонов в Подмоскowie. Анна в ожидании его готовила ужин, он привозил вино, цветы, шоколад. Их роман длился два года, ровно столько, сколько прошло с тех пор, как Анна ушла от мужа. И вот теперь она осталась одна. Миша позвонил ей и сказал, что женится. Извинился так, как если бы позвонил лишь для того, чтобы предупредить, что к ужину его

не будет и чтобы она садилась за стол без него, таким вот будничным тоном. Возможно, именно его тон ее и задел. Она понимала, что так не поступают. Для того чтобы сообщить женщине, что от нее уходят, следует все же прийти лично, а не звонить, как бы неприятен ни был предстоящий разговор. Но Миша оказался трусливее, чем она предполагала. Он даже не снизошел до разговора. Просто позвонил и сказал, что женится. Вероятно, для него это было естественным этапом его мужской жизни. Ведь каждый мужчина когда-нибудь да женится. Тем более что до этого Миша ни разу не был женат. Он как-то выразил желание иметь семью, детей и собаку, но Анна восприняла это как нечто несерьезное и даже нереальное: Михаила было довольно сложно представить себе как рядом с детьми, так и рядом с собакой, не говоря уже о жене. И о детях, и о собаке, и о жене надо заботиться, а Миша *пока что* (как надеялась Анна) заботился только о себе. Он и в постели был эгоистом. Но Анна прощала его и, проводив утром на работу, ждала следующей встречи. Конечно, это была не любовь. Вернее, любовь, но не настоящая. Потому что Миша не умел любить. Да и Анне в ее сорок лет казалось, что она уже не в состоянии полюбить кого-нибудь до самоотречения. Ей нравилось, когда к ней приходил мужчина, когда он целовал ее,

когда брал на широкой кровати, когда говорил ей комплименты и дарил цветы. Но радовалась примерно так же и когда он уходил, пусть и ненадолго, потому что тогда она оставалась одна, и у нее появлялась возможность заняться собой, домом, походить по магазинам, сделать покупки, совершить прогулки по Москве, покататься на машине, наконец. Это время принадлежало исключительно ей. Ее никто не ждал, она не обязана была никому готовить ужин, стирать рубашки; ей не перед кем было отчитываться, где она и с кем была, о чем говорила и какие строила планы, что купила и как намерена провести выходные. Она была свободна и очень дорожила этим состоянием. И если ей и снился мужчина ее мечты, которому она с радостью сварила бы щи и постирала белье, то она всегда знала, что это именно сон и что такого мужчины в природе не существует, не говоря уже о том, что она его никогда не встретит.

Анна ушла от мужа в порыве чувств. Они прожили десять лет как примерная супружеская пара, ни разу не поскандалив, не накричав друг на друга. Детей не было неизвестно по чьей вине — в семье это не обсуждалось. Да и детей-то особо никто не хотел. И вдруг случилось то, что происходит во многих семьях: и Григорий, и Анна постепенно стали жить каждый своей жизнью. Гриша, ведущий экономист в одной